

К Р О К О Д И Л

Бор. Ефимов-41

Рис. Бор. Ефимова

Сквозняк

Рис. Л. Бродаты

— Они говорят, что я против всего прогрессивного. Какой вздор! Геббельс у меня — прогрессивный паралитик, и я не против него.

СИЛЬНЫЙ КАШЕЛЬ

ТЕЛЕГРАФНЫЙ столб принадлежит, несомненно, к ведомству связи. Но навряд ли этот столб разбирается в азбуке Морзе. Можно с уверенностью добавить, что он и понятия не имеет о тех телеграммах, которые идут по стальным нитям, подвешанным к нему. Его дело маленькое — стоять столбом и держать проволоку.

Таким деревянным столбом является и лейтенант фон Штивель. Никакие мысли, никакие идеи никогда не обременяли его пустопорожнюю, аккуратно подстриженную арийскую голову.

Он с юных лет принадлежит к военному ведомству. Но подобно своему коллеге, телеграфному столбу, он бездумно выполняет свои обязанности, не вникая в тонкости. Его дело маленькое — воевать, усмирять, вешать и выполнять тому подобные поручения начальства.

Лейтенант фон Штивель приезжает в Прагу. В захваченную немцами Прагу. Его послали сюда к «этим проклятым чешским свиньям» (именно так сказал ему полковник) наводить новый порядок и смотреть за тем, чтоб эти «коварные славяне» чувствовали, что они низшая раса.

Лейтенант фон Штивель, задрвав высоко свою пустопорожнюю, аккуратно подстриженную арийскую голову, ходит петухом по завоеванному городу.

От нечего делать заходит в кино. Посреди сеанса кто-то вдруг кашляет.

Ничего особенного. Обычный кашель. С каждым это может случиться.

Но, странное дело, вслед за первым каш-

лем раздался второй, третий, четвертый. И вот уж вся лублика в кино неистово кашляет. Целая симфония кашля: один кашляет с хрипом, другой — с завыванием.

«Какая сильная эпидемия бронхита в Праге!» — подумал остроумный лейтенант фон Штивель.

Через день лейтенант пошел в другой кино-театр. И тут опять в середине сеанса он услышал кашель.

Кашлянул кто-то в углу. А затем пошло и пошло. Весь зал кашлял с невероятной силой.

Лейтенант фон Штивель раздраженно мотнул своей пустопорожней, аккуратно подстриженной арийской головой и вышел из кино-театра.

«Этот пражский бронхит действует на нервы», — подумал лейтенант и направился к майору Шмуцигу.

Майор давно уже находится в Праге, знает местные нравы и потому, выслушав сетования лейтенанта на кашель чехов, спросил:

— А вы обратили внимание, лейтенант, в какой именно момент начинают кашлять в кино.

— Признаться, я об этом не подумал.

— Не появились ли в этот момент на экране наш фюрер или немецкие войска?

— Кажется, так. Да, да. Так оно было, герр майор.

— Вот, лейтенант, каким бронхитом оян здесь больны...

После этого лейтенант фон Штивель перестал посещать пражские кино. Вместо этого он стал усиленно изучать чешский язык.

Изучение этого языка началось не по доброй воле лейтенанта. Человек со свастикой на рукаве с презрением относился к «этому корявому славянскому наречию». Но волей-неволей ему пришлось приступить к усвоению чешского языка.

Дело в том, что почти каждое утро на многих домах в Праге, на заборах, на стенах казарм, где помещаются немецкие солдаты, появляются надписи на этом самом чешском языке. Порой эти надписи возникают на колокольнях, на верхних этажах высоких домов. И лейтенанту, чтоб прочесть написанное, приходится задирать свою пустопорожнюю, аккуратно подстриженную арийскую голову.

Сначала он искал объяснения этим непонятным для него словам. Но сейчас лейтенант уже обходится без переводчика.

Он многое успел, лейтенант фон Штивель: он уже знает целые фразы на чешском языке. Например:

«Долой кровавую собаку Гитлера!»

«Вон из нашей страны, фашистские захватчики!»

«Да здравствует Советский Союз!»

«Чехи приветствуют русских, героически борющихся с фашистами».

Читая эти надписи, лейтенант однажды вспомнил кашель в кино. Он подумал: «Здесь могут «закашлять» против нас и ружья и пулеметы».

Впервые сверкнул луч здравого смысла в этой пустопорожней, аккуратно подстриженной арийской голове.

Г. РЫКЛИН.

— Чорт возьми! Почему вы не идете в атаку?
— Мы — непьющие.

Песня-душа

(Красноармейские куплеты)

С боевою песней этой не впервой нам
Бить врагов советской солнечной земли.
Боевую песню мы в былые войны
На штыке советском с честью пронесли.

Эх ты, песня-душа,
Песенка-красавица,
Больно песня хороша,
Но врагам не нравится!

Немцам не до песен, немцам не до шуток;
Если нет обеда, песен тоже нет.

В сводках у фашистов много жирных
«уток»,
Но из этих уток не сварить обед.

Припев

Голову фашисту бомбою шрбили,
Генерал фашистский подошел к нему
И сказал: «Неважно, лишь бы ноги были—
Голова фашисту вовсе ни к чему».

Припев

Гитлер был укушен за ногу бульдогом,
Во дворце ужасный был переполох.

Гитлер эту ногу почесал немного...
А бульдог сбесился и тотчас издох.

Припев

С песней боевою вел полки Суворов,
С песней Кутузов шел врага крушить.
Мы любую злую, вражескую свору
С этой песней били, бьем и будем бить!

Эх ты, песня-душа,
Песенка-красавица,
Больно песня хороша,
Но врагам не нравится!

ИЛЬЯ ФИНК,
МИХАИЛ ЧЕРВИНСКИЙ

И В ХВОСТ И В ГРИВУ

Рис. Л. Генча

— За мной! Вперед!..
— Простите, господин лейтенант, а где перед?

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Конец карьеры Антонеску
Вместить нетрудно в юмореску:
Берлину преданный фашист,
Он заменен «своим» фашистом —
Свирепым гитлеровским Листом —
И перед ним дрожит... как лист!

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЗЫВ В ГЕРМАНИИ

Рис. К. Елисеева

— Какое это пушечное мясо? Это же пушечные кожа да кости!

Рис. А. Каневского

— Безобразия! Мне нужно отправить только один вагон!
— Ничего не могу поделать. В отпущено только шестьдесят пять человек.

Румынские

Антонеску на шарманке
Крутит бешеный галоп:
«С нами Гитлер! С нами танки!
Гайль! Гайль! Гоп! Гоп!»

На Одессу, Севастополь
Собирает он поход:
«Гайль! Гайль! Мы потопим
В Черном море Красный флот!..»

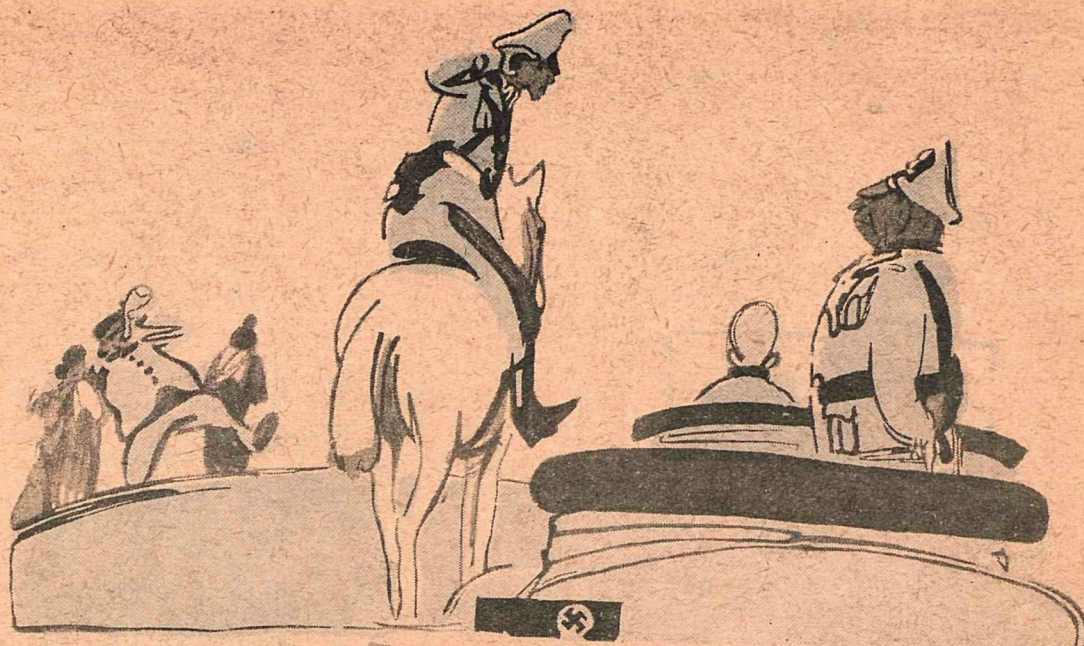
Пляски, танцы в Бухаресте,
Пляски, танцы и в Плоешти,
И в Констанце
Тоже танцы,
Даже в Яссах
Не без пляса!

Пляшут Гитлера лакеи,
Широко разинув рты
На военные трофеи,
На советские порты.

* * *

Только... что же это будет?
Все пошло наоборот:
Бьет фашистскую «посуду»
В Черном море Красный флот!

Только... что ж это за штицы
Покрывают небосвод?
На румынскую столицу
Мечет бомбы Красный флот!

— Где же ваш добровольческий корпус?
— Он прощается с женой и тещей.

«Идейная» зарядка

Чтоб поднять «геройский» пыл
У дружин своих «идейных»,
Гитлер в армии открыл
Заведений ряд питейных.
Наконец-то шонял гад,
Что секрет немецкой ревности
Заключается в нетрезвости

Одурченных солдат!
Покорить желая свет,
Гитлер сам теперь увидел:
Защищать фашистский бред
Можно только в пьяном виде!

Сергей ШВЕЦОВ

ПОСЛЕ ВИЗИТА СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ

ить пять тысяч раненых, а вы даете
рициальной сводке сказано, что ра-
ек.

е т а н ц ы

Не до пляски в Бухаресте,
Не до пляски и в Плоешти,
И в Констанце
Не до танцев,
Да и в Яссах
Не до пляса!

Вянут Гитлера лакеи
На румынской стороне:
«Где ж победы? Где ж трофеи?
Мы в позоре! Мы в огне!»

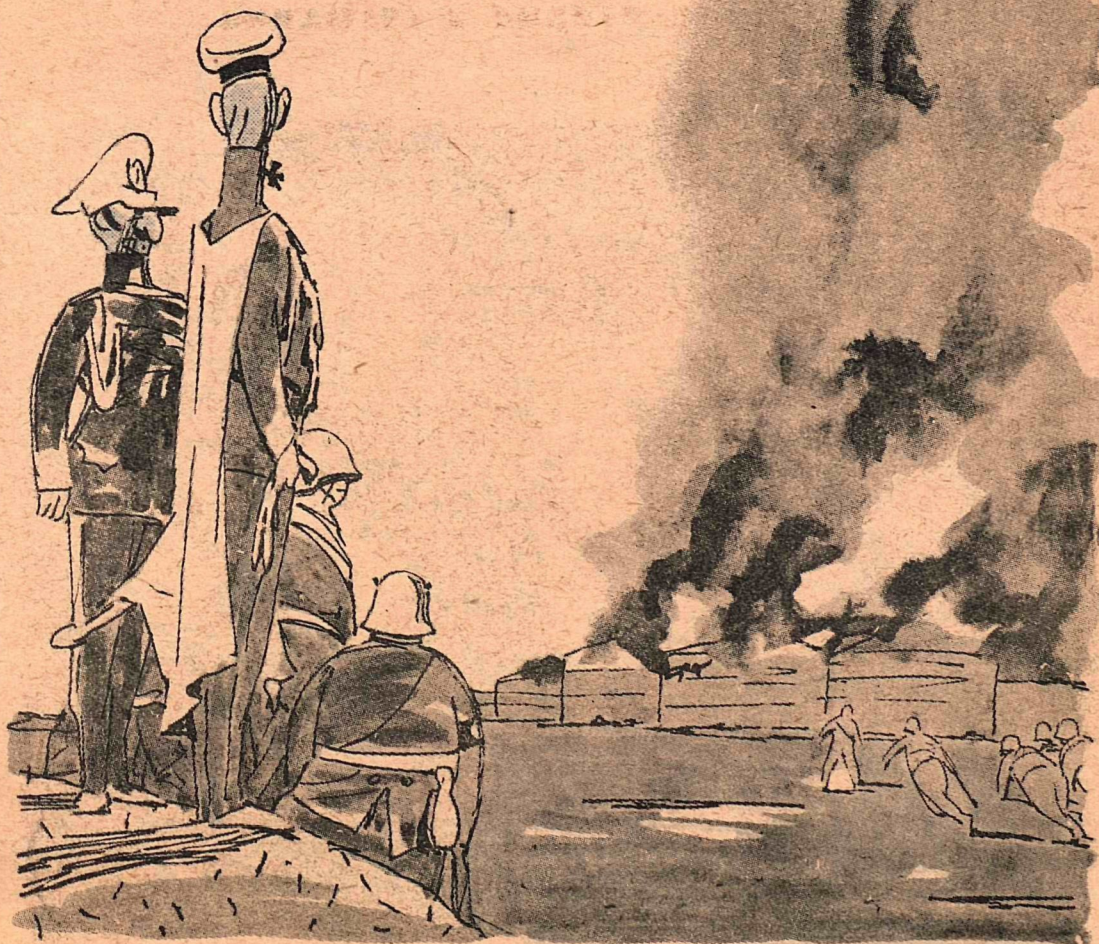
* * *

Не с таким еще позором
Из румынских городов
Им бежать придется скоро
И... без собственных портов!
Испарится дух фашистский,
Словно призрак, словно тень, —
Будет вольный воздух, чистый,
Будет светлый, ясный день!

Будут танцы в Бухаресте,
Будут танцы и в Плоешти,
Будут танцы
И в Констанце,
Да и в Яссах
Будет пляска.

Бурно, радостно, свободно
Будет праздновать народ,
Сбросив с плеч своих негодный,
Подлый гитлеровский сброд!

Н. КОЛЕСНИКОВ

— Сколько же у вас горючего?
— Сколько горит, столько и горючего.

Не дадим спуску!

Аналогичный случай

ФИЛИАЛ имперского расистского бюро кровавой стандартизации расположен на одной из центральных улиц Праги. За двадцать марок здесь можно измерить череп и сделать анализ крови, а за сорок — получить вдобавок собственную родословную, составленную опытным берлинским расоведом.

Однако посетителей в бюро мало. От нечего делать редких клиентов обслуживает сам начальник бюро, отставной фельдфебель господин Ганс Душп. Вот и сейчас он собственноручно производит предписанные инструкцией промеры и диктует ассистенту:

— Голова 18 на 12. Нормальная арийская... Нос 3 сантиметра. Прямой, тевтонский... Уши древнегерманские... Следующий!

Следующим оказался пожилой, добродушно улыбающийся мужчина. На вопрос об имени и фамилии он с достоинством ответил:

— Швейк Йосиф, бывший солдат.

Голова у Швейка оказалась нормальной, нос с некоторыми отклонениями от стандарта, а уши, как это ни странно, на 70 процентов цыганскими. Но зато самые благоприятные результаты, с точки зрения господина Душпа, дал анализ крови бывшего храброго солдата.

— Вам повезло, Швейк! — сказал начальник бюро. — Ваша кровь вполне соответствует

арийскому стандарту. Примерно такой же состав крови у самого господина Геббельса.

— Вот так удача! — воскликнул Швейк. — Неужели, как у самого Геббельса! А скажите, этот господин никогда не был идиотом?

Глаза у начальника расистского бюро налились кровью... Но Швейк, безмятежно улыбаясь, продолжал:

— Дело в том, что в 1914 году меня освободили от строевой службы, признав круглым идиотом. И вот, поскольку кровь у господина Геббельса...

— Ну, ну, держи язык за зубами! — крикнул господин Душп.

— Вы не думайте, — сказал Швейк, — что я против сортировки людей по крови. Ничуть! Я очень интересуюсь расовой теорией. И даже хочу получить от вас по этому вопросу научную консультацию. Несмотря на ваши фельдфебельские нашивки, вы производите впечатление глубоко ученого человека.

Начальник расистского бюро самодовольно улыбнулся.

— Так вот, — продолжал Швейк. — В прошлом году господин Тогуш из Моравской Остравы рассказывал мне, будто есть такая держава, где людей сортируют не по крови, а по лысынам.

— Как это по лысынам? — не понял Ганс Душп.

— А очень просто! Население этой страны разбито на три группы. В первую группу входят все граждане, имеющие лысину размером 9 на 12 сантиметров. Эта группа в законодательном порядке объявлена привилегированной, чистокровной, или, вернее, чистолысой. Вот они, чистолысы, и правят страной. Во вторую группу входят те, у кого лысына только намечается, но обещает достичь правительственного стандарта. К третьей группе принадлежат лица с нормальным волосатым покровом. Им запрещено заниматься умственным трудом, не разрешается пользоваться тротуарами и вменено в обязанность платить налоги в десятикратном размере. Так вот я и хотел вас спросить, господин Душп: есть ли такая страна или это враки?

— Не знаю! — чистосердечно признался Душп. — Не слышал.

— Согласитесь, — сказал Швейк, — что это здорово придумано. Дело поставлено солидно, совсем как у вас. Правда, вы сортируете по крови, а те — по лысынам. Но, между нами говоря, разница тут небольшая. Вы, как умный человек, это отлично понимаете.

Снова полыхнувший начальник бюро кивнул головой:

— Конечно, понимаю. В свете нашего учения о расе сортировка людей по лысынам вполне возможна. А скажите: как в той стране поступают с аптекарями, торгующими средством для рощения волос?

— Их обвиняют в государственной измене, — серьезно ответил Швейк. — И немедленно ссылают на каторжные работы.

— Я так и думал! Правильно! — рявкнул господин Душп.

— Правильно-то, правильно! — согласился Швейк. — Но это имеет свои неудобства. После того как всех аптекарей сослали, в казармах местных штурмовиков вспыхнула эпидемия чесотки. И никак ее нельзя было унять, потому что аптеки не работали и ртутная мазь нигде не продавалась. Две роты штурмовиков зачесали себя насмерть.

— Работа по очищению расы требует жертв! — заметил Ганс Душп, все более заинтересовываясь рассказами Швейка.

— Вот поэтому вы лучше смотрите за собой, чтобы и с вами что-нибудь не приключилось. Долго ли до беды! Я знавал в Жижковичах одного немецкого начальника по фамилии Штоф, который тоже стал жертвой. Только он занимался не кровавой стандартизацией, а руководил бюро под названием «Тевтонская кухня». В бюро под руководством господина Штофа изготавливались различные блюда из заменителей. Гигиенические сосиски из опилок, бифштекс из суперфосфата, оладьи из желудей. Эти блюда выдавались по карточкам рабочим. Конечно, сам начальник этой пищи не ел. Но вот однажды спьяну он попробовал сразу все изобретенные им кушанья. В желудке произошло роковое для организма химическое соединение, и господин Штоф умер в страшных мучениях.

— Теперь не понадобятся заменители! — заметил Ганс Душп. — Ведь фюрер выступил в поход на Россию и скоро ее завоюет.

— Как раз аналогичный случай произошел в 1812 году, — начал Швейк. — Один господин, по фамилии Бонапарт...

Но в этот момент вошел посетитель, и начальник бросился к нему навстречу, так и не узнав, что хотел сказать Швейк.

Е. и С. ШАТРОВЫ

В ФАШИСТСКОЙ ШКОЛЕ

УЧИТЕЛЬ (указывая на висящий на стене портрет с подписью «Христофор Колумб»): — Запомните, дети: этот человек — враг Германии. Он открыл Америку!

Среди друзей

ГЕРР фюрер кликнул министра иностранных дел и, нервно дергая свисающую на лоб прядь, сказал:

— Вызови немедленно итальянского посла и скажи этому чортовому обезьянщику, что если его паршивые войска не перестанут сдаваться и терять территории, то я...

Риббентроп почтительно поклонился.

Через час подвижной черномазый дипломат уже сидел в кабинете министра иностранных дел союзной державы.

— Как себя чувствует наш дорогой друг сеньор Муссолини? — вежливо осведомился хозяин.

Губы гостя осветились нежнейшей улыбкой:

— Прекрасно... Последние победы итальянского оружия еще более укрепили великий дух нашего дуче...

Риббентроп изобразил на своем лице крайнее удивление:

— Последние победы итальянского оружия... Гм... Значит, были и первые... А я как-то их проглядел... За делами, должно быть, знаете...

— Именно за делами, ваше превосходительство, — подхватил посол, — потому я и не обижаясь... Наши первые победы совпали с вашими первыми воздушными налетами на Англию... Две тысячи сбитых немецких самолетов действительно сразу и подсчитаешь... Дела, дела...

Собеседник прикусил губу, но, быстро оправившись, спросил кладеньким голоском:

— Как себя чувствует его светлость вице-король Абиссинии герцог Аоста?

Посол поклонился:

— Благодарю вас. Климат озера Таи оказывал вредное влияние на здоровье герцога, и поэтому его светлость выехал в морское путешествие на легком крейсере.

— Конечно, на итальянском? — ехидно осведомился Риббентроп.

— Нет, на английском. На итальянском не было плашкартных мест.

Министр иностранных дел развел руками:

— Странно... Куда же выехал господин герцог?

— В места расположения своих войск, — неопределенно ответил посол.

Но от Риббентропа не так легко было отцепиться:

— Где же в настоящее время расположены войска его светлости вице-короля Абиссинии?

— В Индии.

Министр иностранных дел союзной державы вскочил, схватил обе руки своего гостя и, энергично тряс их, закричал:

— Поздравляю вас, господин посол!.. Поздравляю от всего сердца! Это опромная победа! Перебросить всю абиссинскую армию через океан в Индию... Как это вам удалось сделать?!

— О, это очень хитрый план, — кисло сказал итальянец. — Мы поручили перевозку наших войск англичанам. Все-таки морская нация. Они сами повезли наши войска в Индию и на очень удобных позициях расположили их там.

— Где?

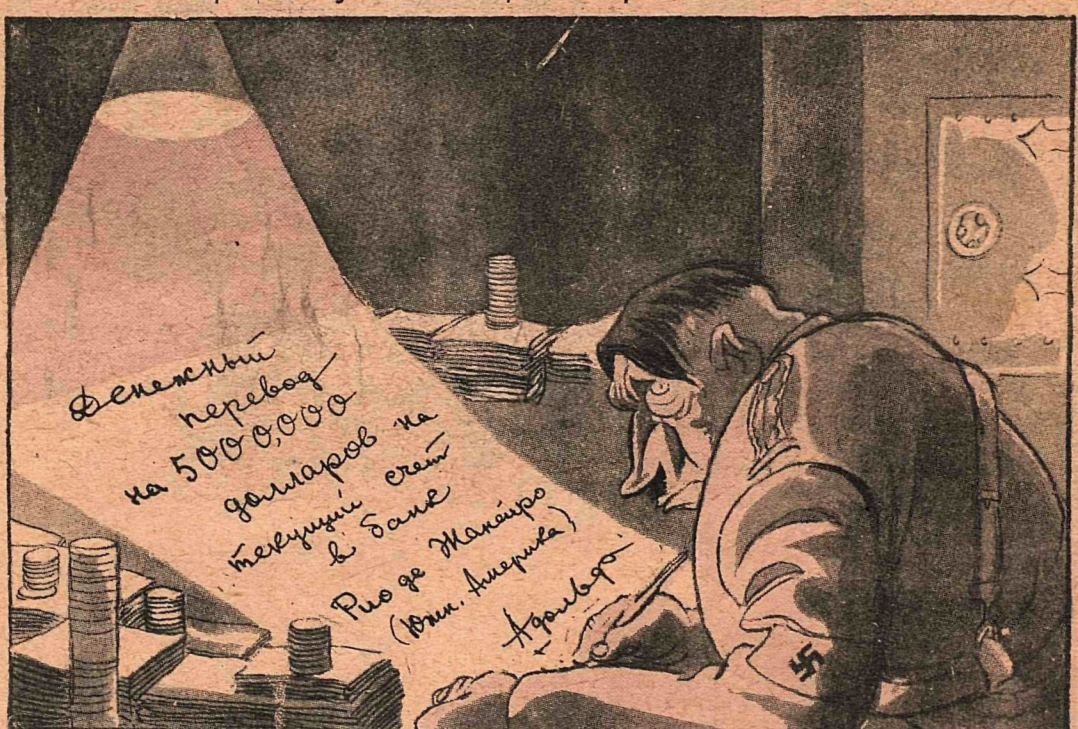
— Пока в бараках для военнопленных.

Несколько минут тянулось неловкое молчание. Потом Риббентроп строго официальным голосом начал:

— Мое правительство, господин посол, обращает внимание вашего правительства, что ваше паршив... то есть ваши доблестные вой-

То, что ему не жалко, он отправляет на Восток...

...а то, что он очень жалеет, — отправляет на Запад.

ска в последнее время злоупотребляют своим правом сдаваться в плен.

— Наши войска сдаются в плен только согласно предписанию генерального штаба.

Министр иностранных дел потерял всякое терпение:

— Позвольте, какого ж дьявола ваш дурацкий, то есть... В общем, чего ради ваш штаб сдает в плен сотни тысяч своих солдат?

Посол ответил, не теряя своего римского достоинства:

— С целью уменьшить количество едоков в нашей стране.

Риббентроп не смог сдержать злорадной улыбки:

— Неужели герцог Аоста был такой страшный едок, что его нужно было для ликвидации продовольственного кризиса в срочном порядке перебросить на английский крейсер?..

Итальянец тоже улыбнулся:

— Я вижу, ваше превосходительство очень волнуется то, что его светлость очутился на английском крейсере... Но, честное слово, у него не было другой возможности очутиться в английском плену.

Риббентроп шумно поднялся:

— До свиданья, господин посол.

— Прощайте, господин министр.

Друзья расстались.

Евг. БЕРМОНТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ Рукописки не возвращаются

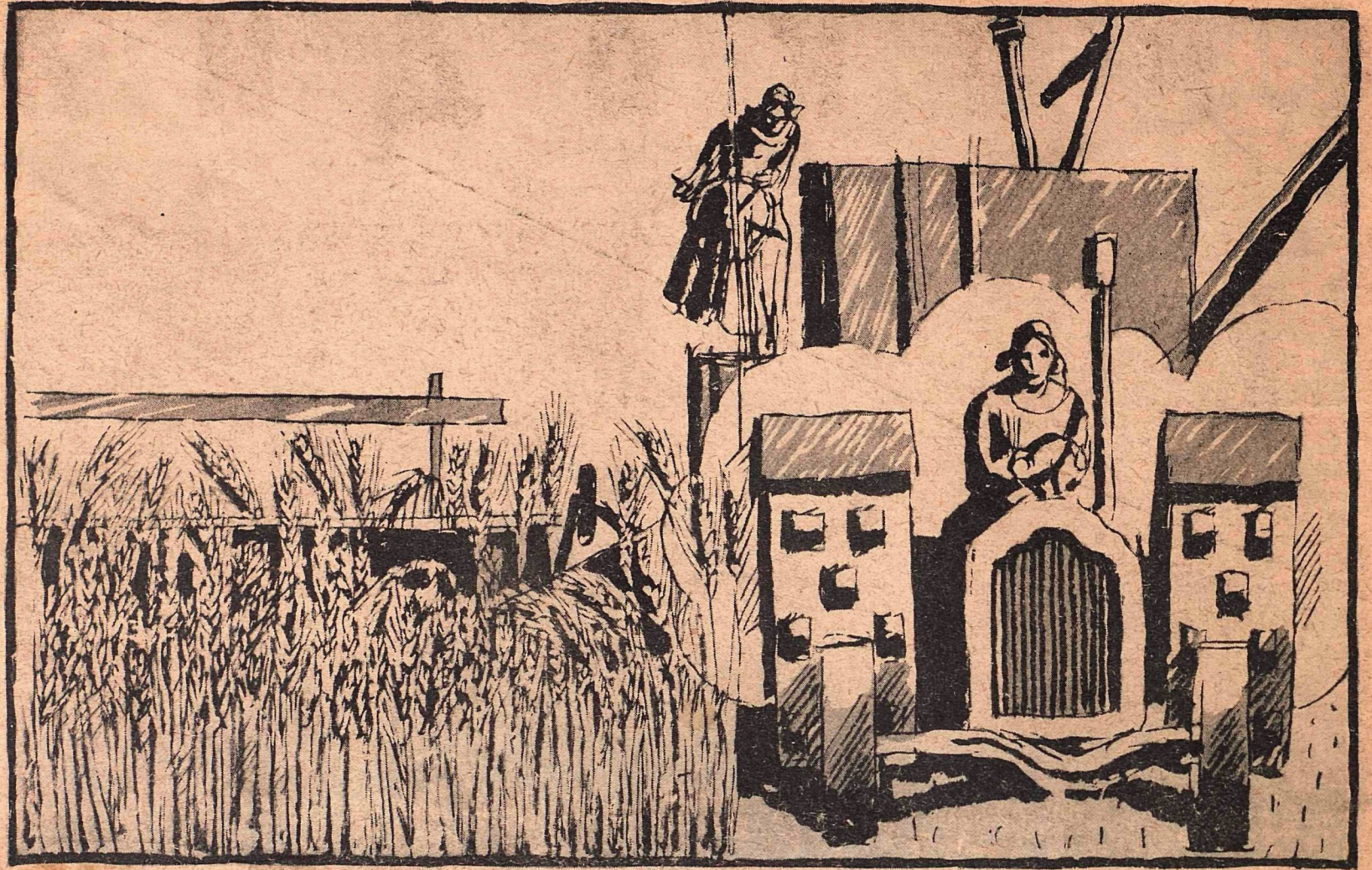
Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-58; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 40851 Москва. Изд. № 762 Подписано к печати 24/VII 1941 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

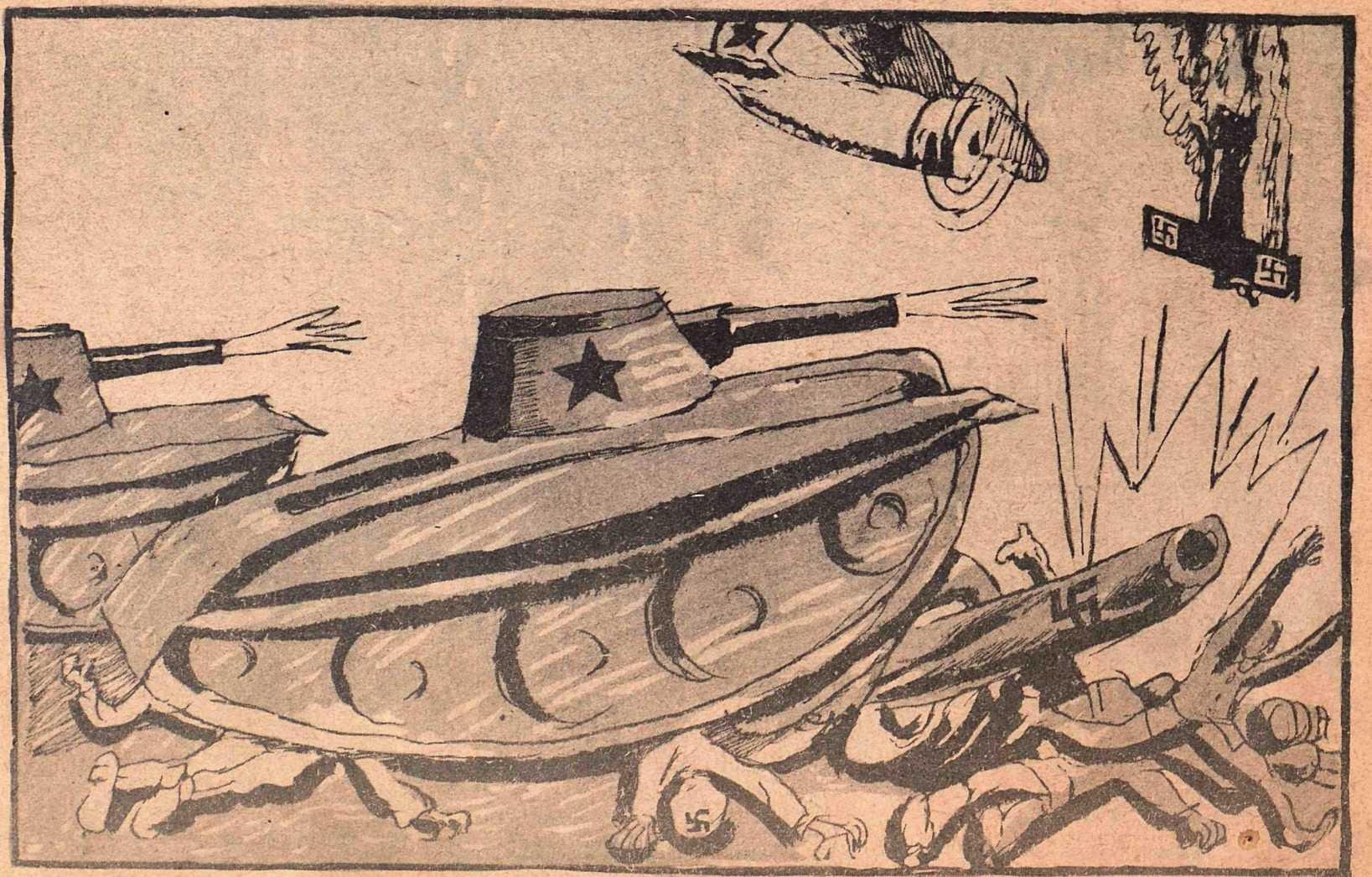
Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2281. Тираж 250 000 экз.

Рис. М. Черемных.

УБОРКА

Убрать без потерь!

Убрать, причинив максимальные потери.